

На правах рукописи

МАХМАДУЛОЕВА НАСИБА МАХМАДШИФОЕВНА

**ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ ЛУГАЗ И МУАММО В ПЕРСИДСКО-ТАДЖИКСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЕ X-XV ВВ.**

**Специальность: 5.9.2 - Литература народов мира (персидская литература,
таджикская литература) (филологические науки)**

**АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук**

ХОРОГ – 2026

**Работа выполнена на кафедре литературы и журналистики Хорогского
государственного университета им. М. Назаршоева**

Научный руководитель:

Абдулназарзода Абдулназар Абдулкодир – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела фольклора и литературы Института гуманитарных наук им. академика Б. Исхандарова Национальной академии наук Таджикистана

Официальные оппоненты:

Саидджафаров Озод Шовалиевич – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой таджикского языка и литературы Дангаринского государственного университета;

Султонмамадова Умеда Алимамадовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры таджикского языка и делопроизводства Академии государственного управления при Президенте Республики Таджикистан.

Ведущая организация:

Международный университет иностранных языков Таджикистана имени Сотима Улугзода.

Защита состоится «15» апреля 2026 г. в 14:00 часов на заседании диссертационного совета 73.1.015.02 по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук при Институте гуманитарных наук им. академика Б. Исхандарова НАНТ по адресу: 736001, г. Хорог, ул. У.Ходоров 4.

С диссертацией можно ознакомиться в Центральной научной библиотеке им. Индиры Ганди Национальной академии наук Таджикистана (734025, г. Душанбе, пр. Рудаки, 33) и на сайте Института гуманитарных наук им. академика Б. Исхандарова НАНТ: <https://www.ign.tj>

Автореферат разослан 20 января 2026 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат филологических наук

Ш. Некушоева

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Реферируемая диссертационная работа посвящена исследованию этапов развития жанров лугаз и муаммо в персидско-таджикской литературе X–XV вв.

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что жанры лугаз и муаммо, обладающие устойчивой традицией в персидско-таджикской литературе, до настоящего времени не получили комплексного анализа в историко-литературном аспекте. Современные исследования ограничены описанием отдельных текстов или авторских практик, что не позволяет реконструировать общую логику становления и развития данных жанров. Отсутствует представление о структурных, семантических и функциональных параметрах лугаза и муаммо, а также о роли, которую они играли в литературной культуре средневекового Востока.

Обращение к персидско-таджикской литературе X–XV вв. обусловлено необходимостью рассмотрения жанра в рамках их естественного исторического развития. Данный период включает ключевые этапы формирования и совершенствования лугаза и муаммо: появление ранних образцов в X–XI вв., закрепление устойчивых поэтических моделей в XII–XIII вв. и жанровую зрелость в XIV–XV вв. Такое укрупнённое хронологическое видение позволяет проследить основные тенденции эволюции жанров без излишней детализации отдельных этапов. Дополнительную актуальность придаёт необходимость систематизации знаний о взаимодействии лугаза и муаммо с другими жанровыми формами персидско-таджикской поэзии, а также анализ их функций в литературной и интеллектуальной среде. Недостаточно изучены вопросы семантического наполнения загадочных текстов, механизмы кодирования скрытого смысла и их использование в поэтической и образовательной практике.

Таким образом, **актуальность темы исследования** обусловлена отсутствием комплексного историко-литературного анализа жанров лугаза и муаммо; необходимостью выявления закономерностей их развития в X–XV веках; уточнения их смысловых и структурных характеристик, а также установления их места в поэтической системе персидско-таджикской литературной традиции.

Объект исследования - жанры лугаз и муаммо, функционировавшие в персидско-таджикской поэзии X–XV вв.

Предмет исследования - структурные механизмы, семиотические параметры и риторико-поэтические функции жанров лугаз и муаммо.

Материалами исследования являются тексты лугазов и муаммо поэтов персидско-таджикской традиции X–XV вв., дошедшие до нас в

составе диванов, антологий и редких рукописных сводов. Материал исследования базируется на творчестве поэтов, чей период активности (X–XV вв.) отмечается наибольшим развитием и использованием этих литературных жанров. В диссертации анализируются сочинения, диваны, отдельные газели и стихотворения, изобилующие проявлениями художественных искусств лугаз и муаммо, созданные такими авторами, как: Рудаки, Джалалуддин Исфахани, Абульвос Джабали, Муиззи, Рашидуддин Ватват, Шамс Кайс Рazi, Тахир Чагани и другие.

Дополнительно в качестве теоретического и лексикографического материала привлекались труды: «Фарханги Нафиси» Ризакулихана Хидаята, «Лугатнома» Алиакбара Деххудо, «Фарханги форсии Амид» и «Фарханги забони точикӣ».

Степень разработанности вопроса сохраняет фрагментарный характер. Средневековые теоретики — Рашид ад-дин Ватват, Шамс Кайс Рazi и др. — ограничивались краткими характеристиками, не предлагая модельных описаний. Лексикографическая традиция фиксирует номинативный аспект жанров без раскрытия их структурного назначения. Исследователи XX–XXI вв. (Е. Э. Бертельс, И. С. Брагинский, Н. Ю. Чалисова, С. Нафиси, А. Мирзоев, З. Сафо, Х. Шарифов и др.) касались отдельных элементов загадочной поэтики, но их наблюдения не образовывали единой методологической рамки. В зарубежной научной традиции лугаз и муаммо, как правило, упоминаются лишь эпизодически, что подчёркивает отсутствие полноценного критического дискурса по теме.

Цель работы — сформировать целостное представление о жанровой специфике лугаза и муаммо, выявить их формообразующие признаки, реконструировать структурно-семиотическую модель и обосновать их место в системе художественных практик эпохи.

Для достижения цели были поставлены **следующие задачи**:

- проанализировать состояние научной разработанности загадочных жанров;
- проследить генетические основания лугаза и муаммо и определить этапы их эволюции;
- выявить структурный принцип лугаза как модели метафорической редукции;
- сопоставить лугаз, муаммо и чистон, выявив параметры их несводимости;
- исследовать вклад поэтов X–XV вв. в развитие жанровых моделей.

Научная новизна исследования обоснована тем, что: *впервые предложена структурно-семиотическая концепция разграничения лугаза и*

муаммо; выявлены их внутренние жанровые параметры и механизм художественного кодирования; определена роль абджада в поэтике муаммо; введён в научный оборот расширенный корпус текстов X–XV вв.; разработана классификация тематических и формообразующих моделей; уточнено место лугаза и муаммо в риторико-поэтической системе классической литературы.

Методы исследования. В исследовании использованы комплексные методы анализа: историко-литературный метод — для анализа генезиса жанров в контексте социокультурной среды X–XV вв.; сравнительно-типологический анализ — для выявления общих и отличительных черт жанров лугаз и муамма и их параллелей в других литературных традициях; текстологический метод — для работы с рукописями, диванами и антологиями, а также для верификации текстов; поэтико-структурный анализ — для исследования художественных и риторических особенностей загадочной поэзии.

Методологическая основа включает историко-поэтический анализ, структурно-семиотическую интерпретацию, герменевтическое чтение, сравнительно-исторический подход, лингвопоэтику и текстологическое исследование. Их совмещение позволяет вскрывать глубинные механизмы художественного мышления и распознавать сложные структуры смыслового кодирования.

Теоретическая значимость работы заключается в формировании новой модели понимания загадочных жанров, уточнении методов их структурного анализа и в расширении понятийного аппарата восточной поэтики за счёт реконструкции жанровых механизмов.

Положения, выносимые на защиту:

- в диссертации доказано, что жанры лугаз и муаммо являются самостоятельными поэтическими формами, обладающими различными структурно-композиционными моделями, типами риторических приёмов и механизмами кодирования скрытого смысла. Уточнено, что внешняя схожесть жанров не отражает их функциональной специфики в системе персидско-таджикской поэзии.
- установлено, что формирование жанров лугаз и муаммо в X–XI вв. связано с переходом устных загадочных форм в письменную литературную практику, что подтверждается анализом ранних диванов и сборников периода Саманидов. В диссертации выявлены признаки ранних структур жанров и описаны их отличия от позднейших образцов.

- выявлено, что XII–XIII вв. являются этапом интенсивного развития жанров, когда лугаз и муаммо приобретают статус сложных интеллектуальных форм поэтической коммуникации. В диссертации уточнена их роль как элементов культурного кода в придворной и литературной среде, а также выявлены связи жанров с традицией поэтических состязаний и интеллектуальных дебатов.
- впервые системно охарактеризована жанровая и семантическая специфика лугаза и муаммо XIV–XV вв., когда данные формы приобретают устойчивый канонический характер и насыщаются философской и суфийской образностью. Установлено, что на этом этапе усложняется их символическая структура, что позволяет рассматривать жанры как средства выражения духовно-интеллектуальных концептов эпохи.
- доказано, что историческая эволюция лугаза и муаммо представляет собой многослойный процесс, включающий развитие игровой, интеллектуальной и духовной функций поэтического слова. В диссертации выделены основные типы взаимодействия этих функций и показано, каким образом они отражают культурно-философские ориентиры классического восточного общества.
- реконструирована историко-литературная динамика жанров лугаз и муаммо на основе широкого корпуса текстов X–XV вв. Установлено, что комплексный анализ позволяет уточнить их место в системе персидско-таджикской поэтики и определить их вклад в формирование жанровых моделей восточной литературной традиции.

Соответствие диссертации паспорту научной специальности.

Диссертация соответствует специальности 5.9.2 – Литература народов мира (персидская литература, таджикская литература) (филологические науки). Диссертационное исследование выполнено в соответствии со следующими пунктами паспорта специальности: пункт 3. Поэтика писателей, литературных произведений, тропов, приёмов, жанров. Работа напрямую исследует художественные и риторические особенности жанров лугаз и муаммо, их структуру, динамику и функциональную специфику в персидско-таджикской классической литературе: пункт 4. Взаимодействие и взаимовлияние национальных литератур, и их типологические схождения. Данный пункт обеспечивается анализом генезиса жанров и их места в широком контексте восточных литературных традиций; пункт 6. Рецепция литератур народов мира отечественным и иностранным литературоведением и критикой. Соответствует обзору степени разработанности темы, включающему труды российских, таджикских и персидских

исследователей; *пункт 8.* Социология литератур народов мира. Диссертационное исследование раскрывает роль лугаз и муаммо как социальных и интеллектуальных форм в придворной среде и культурных центрах классического периода, что соответствует изучению функционирования литературы как социального института.

Личное участие автора в получении результатов, изложенных в диссертации, состоит в участии в обсуждении цели и задач исследования, в получении и обсуждении результатов, изложенных в диссертации, в формулировке ее основных положений и выводов, в опубликовании полученных результатов. Автором лично проведена обработка, анализ и систематизация, полученного материала. Основные положения диссертации неоднократно докладывались автором на международных и республиканских конференциях в виде докладов.

Апробация работы. Диссертация обсуждена на заседании кафедры литературоведения и журналистики Хорогского государственного университета имени Моёншо Назаршоева (**протокол № 2 от 15.09.2025 года**). Основное содержание диссертации и выводы исследования отражены в 4 статьях автора, опубликованных в рецензионных журналах ВАК Российской Федерации.

Структура и объем диссертации. Диссертация состоит из введения, трёх глав, заключения и библиографии.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** излагаются основные предпосылки настоящей работы, обосновывается выбор темы, её актуальность и научная новизна, характеризуется объект изучения, кратко излагается история изучения проблемы, раскрывается теоретическая и практическая значимость диссертационного исследования, формулируются его цель, задачи, методологическая основа, а также определяются положения, выносимые на защиту.

Глава I «Лугаз в поэзии X–XIV вв.» посвящена анализу жанра лугаз (ребуса): его понятию и развитию от древней литературы до начала XII века, а также соотношению жанров муаммо и лугаз в литературе XIII–XIV веков.

В разделе «1.1. Жанр лугаз (ребуса) и его понятие» рассматривается понятие лугаз, с теоретической точки зрения. В ходе проведенного анализа было установлено, что данный термин трактуется учёными как *лугз*, однако чаще употребляется как лугаз. Данное разночтение, по всей вероятности, обусловлено неправильным произношением арабского слова. Мухаммад

Гиёсуддин в словаре «Гиёс-ул-лугат» объясняет это понятие следующим образом: «Лугаз ... отверстие, дыра полевой мыши... форма запутанного слова, которое в персидском произносится как чистон (загадка)»¹. Дословное значение, по мнению автора словаря «Бурхони Котеъ», звучит так: «Лугаз со знаком в первом слоге и со знаком фатха (а) во втором слоге в арабском языке означает «ползти со своего места», то есть «проползти», и употребляется в значении перевёрнутости; поэтому загадку называют лугаз, ибо оно имеет перевёрнутость»². Аналогичное определение дано в «Хафт кулзум»-е Кабула Мухаммада³.

В «Фарханги фарси» Муина лугаз — «загадка, скрытое и трудное для понимания высказывание», метафорически «извилистые пути» и «иносказание»⁴. Шамс Кайс Рazi в «ал Муджам» отмечает, что: «Лугаз состоит в том, что задаётся вопрос о каком-либо из значений под покровом сложного аллегорического (متشابه) выражения. В Хорасане по этой причине его называют чистон (буквально – «что это»).

Этот приём достоин похвалы, поскольку оттачивает умы, если сопровождается естественностью и выразительностью, если описания соответствуют цели с точки зрения значения, и если многословие не удлиняет изложение»⁵. В «Словаре Амида» лугаз — трудное, запутанное слово, искривлённое выражение, нуждающееся в осмыслении⁶. В «Фарханги авом» Амиркула Амини лугаз — это выражение, обозначающее запутанность речи и противоречивость, в народном употреблении — хулителя.

Так, если у Муина лугаз сохраняет преимущественно семантику интеллектуальной загадки и аллегорического слова, то у Амини оно смешается в сторону поведенческой характеристики, отражая морально-оценочную коннотацию в обыденной языковой среде⁷. Этимология слова лугаз от арабского لُعْز — «дыра, нора мелкого грызуна», переносно — «запутанность, скрытость». В «Словаре Джрафари» Мухаммада Муқима Туйсеркани лугаз означает — «загадка, иносказательное или трудное для понимания высказывание»⁸.

Аналогичное определение даёт Гиясуддин Ахмад Балаин и Алиакбар Нафиси⁹. В «Словаре Онондродж» лугаз — «ниша или отверстие, нора крысы; в переносном смысле — выражение или слово, не имеющее явного

¹ Сайд Хасан Газнави.Девон. - Тегеран, 1328 г. - С. 211-212.

² Анвар Абеварди. Девон. /А. Анвар - Тегеран, 1337 г. - С. 366

³ Ризокулихон Хидоят. Комплекс фуса 5 т. - Тегеран, 1339. - С. 105.

⁴ Ризокулихон Хидоят. Комплекс фуса 5 т. - Тегеран, 1339. - С.138.

⁵ Словарь литературоведение. Душанбе. 1966. – С. 140.

⁶ Хокони Шервони. Девон. /Шервони Хокони - Тегеран: Заввор, 1373. – С. 890.

⁷ Амъак Бухорои. Девон. /Б.Амъак - Тегеран, 1339. – С. 15.

⁸ Сайфи Фаргони. Девон. 3 т.. вып. 1-Тегеран, с1341 по 1344 г. – С.409.

⁹ Там же, С.230

объяснения, указывающее на сущность вещи и совокупность присущих ей качеств... Люди Аджама (персы) называют такую форму речи загадкой»¹⁰. Автор считает лугаз идентичным муаммо и приводит пример о пауке:

«Это тот, кто сам себе ткёт и вяжет халат,
Сам плетёт одежду — и сам же ходит нагим»¹¹.

В трактате «Толкование красноречия» Мухаммада ибн Умара Радуяни (XI–XII вв.) лугаз — «искусство, приятное для ума, поскольку проверяет силу памяти»¹².

Рашидуддин Ватват в «Хадоику с-сехр фи дақоику-ш-шэър» отождествляет его с муаммо, но в форме вопроса, называемом чистон¹³. Пример:

«Ман ҳамон гӯям, к-он лошхурак,
Гуфту меканд ба сахтӣ чоне.
Чӣ кунам? бор кашам, роҳ барам,
Ки маро нест ҷуз ин дармоне.
Ё бимирам ману ё ҳарбанда,
Ё бувад роҳи маро поёне»¹⁴.

Перевод: «Я вещаю то, что стервятник тот изрекал, Душу с болью терзая: «Что ж мне делать? Нести свой груз, идти дорогой.... Либо смерть меня примет, либо рабство, либо же путь мой к концу придёт». Хусайн Воиз Кошифи различает лугаз и муаммо: лугаз указывает на качества и сходства, не на точность. Пример о полумесяце:

«Он тирсифат, ки шуд дањон омольаш,
В-аз тури Калим розъў меърољаш.
Ҳарчанд ба ҳурдию заифӣ масал аст,
Хукком диханд аз буни дандон больаш»¹⁵.

Перевод: «Он — такой человек, что его уста стали целью... Хотя он мал ростом и слаб телом, Правители платят ему дань от самых корней зубов».

В «Словаре литературоведческих терминов» лугаз — более совершенная загадка, используемая в касида¹⁶.

Туракул Зехни в «Санъати сухан» определяет, как запутанный путь, требующий интерпретации; подчёркивает различие с чистон, имеющим древние корни со времён Сасанидов¹⁷.

¹⁰ Салмон Соваджи. Девон. - Тегеран, 1336 г.– С.31.

¹¹ Там же.

¹² Рози Шамсиддин Мухаммад Кайс. Смысл слов поэтов мира – Тегеран. 1338. – С.99.

¹³ Словарь таджикского языка, Т.1. – М.: Советская энциклопедия, 1969. – 951 с.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Рашидаддин Ватват. Сади волшебства (Хадонкүссөхр фи дақоикушшэр)– М.: Наука, 1985. – С. 40

¹⁶ Рашидаддин Ватват. Сади волшебства (Хадонкүссөхр фи дақоикушшэр) – М.: Наука, 1985. – С. 40

¹⁷ Имом, Насруллох. Панихида персидском литературе. /Насруллох имом. Тегеран. -1369. - СС. 154-156., 224, 651

В «Поэтике» Х. Шарипова и У. Тоирова лугазу дано объяснение как поэтической форме со скрытым смыслом.

В «Энциклопедии таджикской литературы и искусства» Т. Нематзаде этот термин означает — запутанная речь в стихотворной форме; первым создал совершенный лугаз Хусрав Дехлеви, в формах двустишия, рубай и др.

Из всех объяснений и определений, представленных в различных словарях, следует, что слово лугаз обозначает отверстие или нору мыши, движение (ползание) из своего места, а также извилистый и переплетённый путь. В переносном, аллегорическом значении лугаз трактуется как запутанное, скрытое слово. В терминологическом же смысле литературную форму лугаза исследователи определяют, как ребус, загадку, количественную структуру или порядок чего-либо, сложное слово, трудное для восприятия выражение, изящное высказывание либо совокупность качеств, указывающих на подлинное значение понятия.

Как показал анализ теоретического материала, жанр лугаз отличается большей поэтической сложностью и глубиной содержания. Жанр лугаз активно используется и интегрируется в различные литературные формы, такие как касида, газель, китъа и другие, занимая особое место в системе таджикско-персидского литературоведения и в теории художественной речи в целом.

В разделе «1.2. Жанр лугаз в древней литературе» анализируются древние литературные памятники и текстологические источники, подтверждающие раннее происхождение лугаз как жанра с глубокими корнями в персидско-таджикской поэзии.

Особое внимание уделено применению лугаз в «Авесто», особенно в «Ясне» и «Яштах», где в произведении о Юиште Фриёне волшебник Ахти задаёт вопросы молодому Юишту Фриёну, что свидетельствует об истоках жанра в форме вопросов и ответов¹⁸. Имя Юишт упоминается в авестийских текстах «Фарвардин-яшт» (фаргарды 405–430) и «Фраваши-яшт», происходя от авестийского юон, юаван (среднеперсидское юон, юуван, означающее «молодой»), и в персидской традиции трансформировалось в «гушт», «Гушти Фриён» и «Гушти Приён», а в памирских языках — Guht¹⁹.

В поэме «Юишти Фриён» сохранились 33 из 90 вопросов Ахти, представляющих литературные загадки.

Анализ включает пехлевийские тексты «Знающий Ушнар», «Шиканд гумане» Бундахишна²⁰, а также «Андарзнаме Бузургмехра» и «Дастан

¹⁸ Сатторзода А. История персидско-таджикской литературной теории / А. Сатторзода. - Душанбе: Адиб, 2004. – с. 103–107.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же, С. 106

Мудрого Ушнара»²¹. В ходе изучения, опровергаются предположения об арабском происхождении лугаз, поскольку жанр чистон (загадка) присутствует в древнеиранской традиции до арабского завоевания, со следами в «Авесте».

Рассмотрено творчество Абуабдулла Рудаки, Тахира Чагани и Мунджик Тирмизи, где использован лугаз, например: «*Тур аст ба навбат-андарун заррин, Тайр астба заҳмат-андарун паррон*»²² или лугаз «Мечь» от Бальами: «*Даранда чу шеърон, даманда чу саъбон Дурафшон чу хиспӣ, дурахшон чу озар*»²³.

Данный жанр характеризуется иносказательным описанием предмета без прямого названия, с использованием аллегорий, таким образом, лугаз обогащает персидско-таджикскую литературу.

В разделе «1.3. Лугаз в поэзии X и первой половины XI вв. персидской литературы» рассматривается эволюция жанра лугаз (загадки) в персидско-таджикской литературе, начиная с эпохи Рудаки, когда он приобрел значительную популярность.

По мнению литературоведа Х. Шарипова, лугаз представляет собой древний вид поэзии, иллюстрируемый стихотворением Рудаки, посвященным перу (қалам): «*Ланги равандаст, гӯш нею суханёб, Гунги фасеъ аст, чаим нею лаъонбин. Тезии шамшер дораду равиши мор, Колбади ошиқону гунаи гамгин*»²⁴.

В X столетии поэты Абуабдулла Рудаки, Тохир Чагани и Мунджик Тирмизи активно создавали лугазы на разнообразные темы, характеризующиеся запутанным смыслом и иносказательным описанием предметов без прямого упоминания. Примеры: «*Тур аст ба навбат-андарун заррин, Тайр астба заҳмат-андарун паррон*»²⁵ и лугаз «меч» от Бальами: «*Даранда чу шеърон, даманда чу саъбон Дурафшон чу хиспӣ, дурахшон чу озар*»²⁶.

Тахир Чагани восхваляет нарцисс: «*Он гуле, к-аши соќ аз минои сабз, Бар сараши бар симу зар омехта. Нохуни њур аст, гӯї, гирд-гирд, Дидаи боз аз миён-ши ангехта*»²⁷, а также описывает фукоъ (пиво): «*Луъбате сабзчеъра, танглањон, Бифизояд нишоти пиру лаъон, Мильари сар чу зон барањна кунӣ, Хашм гирад, каф афканад зи дањон. В-ар бихоњи варо, ки бўса занӣ Ў бихандад, туро кунад гирён*»²⁸ и коня: «*Чу шаб буду њар гањ, ки*

²¹ Сайд Хасан Газнави.Девон. - Тегеран, 1328 г. - С.154.

²² Там же, С. 350.

²³ Шарифов И..Абдулатторов А. И.Поэзия Рудаки /И.Шарифов, А. Абдулатторов. - Душанбе: Адиб, 2007. – С. 125.

²⁴ Сайд Хасан Газнави.Девон. - Тегеран, 1328 г. – С. 154.

²⁵ Там же, С. 350.

²⁶ Шарифов И..Абдулатторов А. И.Поэзия Рудаки /И.Шарифов, А. Абдулатторов. - Душанбе: Адиб, 2007. - С. 125.

²⁷ Там же, С. 366.

²⁸ Там же, С. 367.

*биштофтї, Ба таг рўзи бигзашта дарёфтї»²⁹. Мунджик Тирмизи посвящает лугаз вину: «*Он талху бад-ў умри талх ширин, Он зарду бад-ў рўйи зард ъамро»*³⁰.*

Рассмотрены проявления лугаз в различных формах: как в лирических, так и во вступительной части оды (например, лугаз Манучехра Домгони «Свеча»: «*Ай нињода бар миёни фарќ лъони хештан, Ёисми мо зинда ба лъону лъони ту зинда ба тан. Ёар замон рўхи ту лахте аз бадан камтар кунад, Гўйи андар рўйи ту музмар ъамегарда бадан. Чун бимири, оташ андар ту расад зинда шавї, Чун шавї бемор, бењтар гардї аз гардан задан*»³¹, в газелях (Тавхиди Ширази: «*Чист он симинтан, хуршиедшакл, мохузор, Безабон, бедасту пою базлагўу раҳсипор Луъбаташи ширинаухан ҳар дам якеро ҳамзабон, Дилбари симинбадан ҳар шаб якеро дар канор*»³², рубаи и китъа (Тирмизи: «*То кай гўйи мадори илм ба ман гашт, Ёону дилам илмро гузида ватан гашт. Чист яке мода, ки бе нар пешат Рўзе дањ рањ бизоду обистан гашт*»³³, интерпретируемый как «Стрела и лук»), а также в фард (Рудаки «Лой»: «*Обканде дуру бас торик лой, Лагз-лагзон чун дар ўбинњанд пой?!*»³⁴.

Лугазы варьируются от 1 до 3 байтов, описывая неодушевленные предметы (меч, перо, нарцисс) или живые существа (конь, вино, пиво), с акцентом на символизм и лаконичность.

В XI веке лугаз интегрируется в касиды, особенно хвалебные оды, у Унсури Балхи, Фарухи Сиистани, Манучехри Домгони и Кавкаби Марвази, усиливая выразительность. Пример Унсури: «*Чист он? Обе чу оташ, оњане чун парниён, Беравон тан пайкаре, покиза чун бе тан равон. Аз хираф огоњ на, дар маѓ бошад чун хираф, Аз камон огоњ на, дар дил бувад ъамчун гумон. Об дода бўстони сабз чун мино ба ранг, Захми ў ъамранги оташ бишкуфонад аргувон*»³⁵. Как выяснилось, поэты данного периода интегрировали элементы лугаза в свои произведения таким образом, что образ восхваляемого приобретал максимальную полноту и выразительность.

Раздел «1.4. Жанр лугаз в классической поэзии второй половины XI и начале XII веков» проведён детальный анализ эволюции жанра лугаз как поэтического приёма в таджикско-персидской литературе, т.е., стиха, который, согласно трактовке Шамса Кайса Рази: «*достоин похвалы и одобрения... когда описания соответствуют цели с точки зрения значения,*

²⁹ Там же, С. 368.

³⁰ Там же, С. 413.

³¹ Манучехри Домгони. Девон. /Домгони Манучехри. - Тегеран, 1338. – С.-70-78

³² Рашидаддин Ватвот.Сади волшебства (Хадоқуссеҳр фи дақоқикушшехр)- М. : Наука, 1985. – С. 186-187.

³³ Шарифов И..Абдуллатиров А. И.Поэзия Рудаки /И.Шарифов, А. Абдуллатиров. - Душанбе: Адиб, 2007. – С. 415

³⁴ Рудаки Абуабдулла. Девон /Абуабдулла Рудаки. - Алматы, 2007. – 256 с.

³⁵ Там же, С. 227-228.

*когда многословие не удлиняет, а ложные сравнения и длинные метаформы не обременяют*³⁶. Исследование охватывает творчество поэтов XII века (Муизи Самарканди, Авхадуддина Анвари, Рашиди Ватвота и др.), подчёркивая значительный вклад Муизи Самарканди в развитие лугаз, преимущественно применяемого в касидах.

Проанализированы символические образы в лугазе о каламе, посвящённом султану Санджару: «*Чист он обе, ки руњро гунаи озар дихад, / Талхии ў ишкро ширинии дигар дихад...*»³⁷, где преобладает описательный аспект (васф) над восхвалением (мадх). Отмечена эстетика обращения к теме калама, как в примере: «*Чун бигардад пойи ў аз пайдон / Хуши шукуҳида намояд ҳамчунон*»³⁸. Сравнение с предыдущим периодом выявило собственный язык лугаз, его интеграцию в касиды и китъа (у Маджда Хамгара), использование абджада в муаммо, например: «*Мурғе, ки ба куҳ чой гирад ёд дошт...*»³⁹, и повышение привлекательности придворной поэзии через чистон, лугаз и муаммо⁴⁰.

Раздел «1.5. Жанр муаммо и лугаз в литературе XIII–XIV в.» посвящен жанрам муаммо (шарада) и лугаз (загадка) в таджикско-персидской литературе XIII–XIV веков, анализу их эволюции, форм и дидактической роли в трактатах и поэтических диванах.

В труде Али ибн Мухаммада Таджалхаливири «Дақоиқу ш-шеър» («Тонкости поэзии») муаммо определяется как прикрытое искажением выражение, иллюстрируемое строкой: «*Имя той прекрасной, что есть Душа искажения, свеча сбора, души есть моя душа*»⁴¹; «*Номи бути ман се ҳарф медонӣ... Силс ду маст субаъ аввал*»⁴².

Лугаз характеризуется как запутанная структура: «*Эй кариме, ки дар замин омад... Яке аз номҳои душманест*»⁴³.

Мадждуддини Хамгар (1210–1287) выделяет лугаз о жемчуге: «*Чист он гӯҳар, ки мезояд, зи ду дарё равон... Бошадааш аз ҷузъи ҷон*»⁴⁴, и муаммо с абджад: «*Мурғе, ки ба куҳ чой гирад ёд дошт... Ҳарчанд, ки ҳаҷдаҳ, ки ҳоли даҳ гашт*»⁴⁵.

³⁶ Тахирджанов А. Рудаки. Жизнь и наследие. История исследований / А. Тахирджонов. – Душанбе, Маориф. 2008. – 116 с.

³⁷ Рудаки Абуабдулла. Поэзия. /Абуабдулла Рудаки - Душанбе: Адиб, 2007. – С.1303

³⁸ Сайид Хасан Газнави. Девон. - Тегеран, 1328 г. – С. 154.

³⁹ Манучехри Домгони. Девон. / Домгони Манучехри. Тегеран. 1358. – С. 293.

⁴⁰ Там же, с. 293-294.

⁴¹ Али ибн Мухаммад.Поэзия/М.Али. Тегеран. 1963 - С. 112.

⁴² Там же, с. 112.

⁴³ Там же, с. 112.

⁴⁴ Там же, с. 134.

⁴⁵ Али ибн Мухаммад.Поэзия/М.Али. Тегеран. 1963 – С. 293.

Бадр Джоджарми в «Мунисул-ахор фи дакоик ул-ашъор» (1343) собирает антологию, включая пример: «*Чист он дурру қаръи ў наздик... Рӯзгор гузор*»⁴⁶.

Амир Хусрав Дехлави в «Расоилу л-эъчоз» вводит мусаввир-муаммо, с рубаи: «*Собит дидам, кафии семехӣ бар сар... Як кафчаву як дона, на ду ваз бараши*»⁴⁷.

Ходжа Камол Худжанди применяет муаммо на имена, как «Хуррам»: «*Гӯям ба ту номи он шакарлаб... Миёни хор бошад*»⁴⁸, подчеркивая сложность интерпретации.

Развитие жанров в этот период отражает рост символизма и художественной сложности, требующий дальнейших исследований.

В разделе 2.1 «Понятие и сущность муаммо (шарада)» главы II. «Жанр муаммо и его исторический экскурс до XV в.» муаммо анализируется как самостоятельная форма поэтического искусства, характеризующаяся сокрытием имени и зашифрованным смыслом⁴⁹.

Рашидуддин Ватвот определяет его как искусство кодирования имени возлюбленной посредством тасхифа, смысловой связи, гематрии или сравнений, иллюстрируя бейтом на «Каввоми»: «*Мавчи ду дилу ду дидай ман, Бибараҳ дарёи абтро миқдор*»⁵⁰, где анализ абджада (вычитание 140 для 'айн' и добавление 'вав') выводит имя. Амид интерпретирует муаммо как скрытое слово в науке бадъ, раскрываемое аллегорией и гематрией⁵¹.

Сайд Нафиси подчёркивает символизм и загадочность⁵².

Шамс Кайс Рazi описывает его как завуалированное выражение, требующее полного осмысления⁵³, с примером на «Мирак»: «*Дидом ду ҳафта моҳ зи дебо бар ўсалоб...*»⁵⁴, где из «Карима» отсекается буква для «Мирак».

Сайд Али Разави Бахоободи и Хусайн Хасан Пур Олошти ввидят в муаммо экспликацию в инвертированной форме⁵⁵, ссылаясь на приме Булала Шуштари на «Али»: «*Тирею камонею яке нақши нишона...*»⁵⁶.

Алохон Афсаҳзод подчёркивает роль хронограмм (исторических чисел) в разгадке муаммо. В XIV–XV веках создание и использование муаммо

⁴⁶ Нафиси Сайд. Культура.Нафиси / Сайд Нафиси. - Тегеран: 1382. - С.90.

⁴⁷ Баранников А. П. Изобразители среды индийской поэзии / А. П. Баранников. М.Наука. - 1989. - С. 237.

⁴⁸ Ковалев Ю.В. Эдгар Алан По-новелист и поэт. /Ю.В.Ковалев. -Л.Художественная литература.1984. - С. 538.

⁴⁹ Шарифов X «Переводчик-уль-Балога» и «Хадаик-уль-сих». /Х. Шарифов. - Душанбе: Дониш, 1987. – С. 126.

⁵⁰ Там же, С. 124.

⁵¹ Словарь литературоведение. Душанбе. 1966, - 216с.

⁵² Навои-Фони. Амир Низомиддин Алишер. Персидский девон. /Фони Навои, Алишер Низомиддин Амир - Душанбе: Дониш, 2021. - 474 с.

⁵³ Тахирджанов А. Рудаки. Жизнь и наследие. История исследований / А. Тахирджонов. - Душанбе, Маориф. 2008. – 120.

⁵⁴ Тахирджанов А. Рудаки. Жизнь и наследие. История исследований / А. Тахирджонов. - Душанбе, Маориф. 2008. – С..321.

⁵⁵ Сузани Самарканди. Девон. -Самарканди Сузани - Тегеран, 1344 г. - 640 с.

⁵⁶ Там же, с. 113.

оставалось популярным. Методика использования хронограмм была известна еще со времён Абушакура Балхи в X веке, когда активно применялось создание муаммо посредством абджада⁵⁷.

В работе «Совершенство и словотворчество» профессор Худои Шарифзода даёт следующее объяснение термина «муаммо», согласно словарной интерпретации, данное определение определяется как «неясное слово»⁵⁸, например, образец на «Мас‘уд»: «Чу номаш бипурсидам аз озмуд...»⁵⁹, где игра слов с «мас(с) судан» («натирать») и барбатом выводит имя.

Примеры сложных муаммо включают рубай Омара Хаяма: «Асрори азалро на ту дониву на ман...»⁶⁰, иллюстрирующее завуалированность, и Хафиза: «Хадис аз мутрибу май гӯву рози даҳр камтар ҷӯ...»⁶¹.

Зайнiddина Васифи использует муаммо для сатиры на Ходжу Юсуфа: «Ҳаст дар силсилаи хоқонӣ...»⁶², где элизия букв даёт «мурдор» («труп») и «хари оғоқ» («осёл»).

Абдурахмана Джами создаёт многоэтапное муаммо: «Сари сӯғӣ бибур...»⁶³, выводящее «Носир» через буквы и синонимы. Другие: «Бурун ор аз муаммо...» на «Ҳорун»⁶⁴ и «Кай равад номи он бут...» на «Тоҳир»⁶⁵.

Муаммо отличается от чистон и лугаз сложной дешифровкой через манипуляции с буквами и нумерологией, способствуя развитию когнитивных навыков. Трактаты Али Язди, Джами и Навои подчёркивают его эзотерический характер⁶⁶.

В разделе 2.2 «Становление и развитие муаммо в таджикско - персидской литературе» диссертации анализируется становление и развитие муаммо в таджикско-персидской литературе с IX по XV вв.

Хусайн Ва'из Кашифи в трактате «Бадоъ ал-афкар» классифицирует муаммо на три категории: освоение буквенных элементов, «совершенство» (камол) и «приобретённое действие» (касби), с подразделами на четыре аспекта: «согласование» (мувофикат), «центральный» (маркази), «классифицируемый» (мусаннаф) и «соединённый» (мурраккаб)⁶⁷. Примеры включают муаммо на «Ҳасан»: «Зери он навои ҳатти ушишоқ, Ҷони ҷобир

⁵⁷ Фарзод М. Поэтика Рудаки / М. Фарзод. //Журнал «Хирад», октябрь 1349 г – С. 148.

⁵⁸ Шеърдуст А. Поэтика новых таджикских времен. /А.Шеърдуст: Адиб, 1997. – 34.

⁵⁹ Там же, с. 34.

⁶⁰ Там же, с. 34

⁶¹ Там же, с.70.

⁶² Там же, с.124.

⁶³ . Фарзод М. Поэтика Рудаки / М. Фарзод. //Журнал «Хирад», октябрь 1349 г – с. 216.

⁶⁴ Там же, с. 217.

⁶⁵ . Там же, с. 217.

⁶⁶ Тахирджанов А. Рудаки. Жизнь и наследие. История исследований / А. Тахирджонов. - Душанбе, Маориф. 2008. – с. 340.

⁶⁷ Амир Хусрави Дехлави. Расоил-ул-эъджоз /А.Х.Дехлави- - Душанбе: Дониш. 2013- - с.148.

*ба канори сабза карда*⁶⁸; на «Хумоюн»: *«Канори ҳавзу об сабза асту рӯи накӯ...»*⁶⁹; на месяц: *«Моҳе, ки қадаш сарви суманбӯ бошад...»*⁷⁰; и классифицируемое: *«Ҳарчанд, ки хусни ў ба поён бирсад...»*⁷¹.

Забихолла Сафа отмечает распространение жанра в IX веке, мастерство Сими Нишапури - его стихотворения на эту тему получили широкое распространение, и ему, в частности, приписывают создание муаммо, разгадка которого предполагает выявление нескольких различных имен; рассмотрены также различные высказывания учёных вокруг жанра муаммо⁷².

Алишер Навои иллюстрирует муаммо на «Сайф»: *«Ҷон аз лаби лаъли туву дил аз сари зулфат...»*⁷³, где «лаъл» даёт «си» (30), а «дил» через инверсию — «фе», образуя имя. Садриддин Айни подчёркивает социальную функцию: муаммо как способ критики элиты через «игру ума»⁷⁴.

Жанр развивался в суфийской среде, с хронограммами, напр., Навои вычислил дату смерти из «хрус» ($x=600 + p=200 + v=6 + c=60 = 686$)⁷⁵. Примеры муаммо Джами на «Кавом»: *«Аз риё бошад дили зухҳод пур...»*⁷⁶, где «кавм» выводится из «аквом». Хусайн: *«Аз лаби худ ваъда фармо як сухан...»*⁷⁷, ключ — «орзу лаб» для «си». Муаммо способствовал развитию интеллекта, но критикуется учёными за формальность⁷⁸. Автор диссертации отмечает, что в существующей историографии, за исключением работ Садриддина Айни, можно выделить два основных подхода к изучению жанра муаммо.

Первый подход ограничивается описанием распространения муаммо и перечислением отдельных сочинений, посвящённых данной тематике; при этом вопросы дефиниции, сущности и жанрово-поэтической специфики муаммо, как правило, остаются вне поля углублённого анализа. Данный подход представлен в трудах таких исследователей, как Э. Ёршатир, С. Нафиси и Я. Рипка.

Второй подход характеризуется резко негативной оценкой муаммо. Его представители — Е. Э. Бертельс, И. С. Брагинский и З. Сафа — трактуют жанр как формальную и бессодержательную словесную игру, своего рода шараду или ребус, лишённые самостоятельной художественной ценности.

Подобная интерпретация вызывает ряд закономерных вопросов. Если

⁶⁸ Амир Хусрави Дехлави, 2013, С. 149.

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ Там же.

⁷¹ Там же, с. 150.

⁷² Саъдиев С. Поэзия поэтов XII в./С.Саъдиев. - Душанбе: Дониш, 1980. – с.139.

⁷³ Там же.

⁷⁴ Рашидаддин Ватвот.Сади волшебства (Ҳадоиқуссеҳр фи дақоиқушшехр)– М.: Наука, 1985. – 374 с.

⁷⁵ Амир Хусрави Дехлави. Расоил-ул-эйджоз /А.Х.Дехлави. - Душанбе: Дониш. 2013- - с.155.

⁷⁶ Низоми Арузи Самарканди. Четыре статьи. /Самарканди Арузи Низоми - Тегеран: Великий эмир, 1344. - 640 с. = с. 34.

⁷⁷ Там же, С. 34.

⁷⁸ Рашидаддин Ватвот, 1985, 374 с.

муаммо действительно сводится лишь к формальному упражнению, лишённому глубокого смыслового наполнения, по каким причинам этот жанр получил столь широкое распространение и устойчивое развитие? Почему выдающиеся мастера слова, такие как Абдурахман Джами и Алишер Навои, уделяли муаммо столь пристальное внимание и создали значительное количество произведений и специальных трактатов в рамках данного жанра?

Проблема социальных и философских оснований жанра муаммо в наибольшей степени затрагивается в исследовании Садриддина Айни «Алишер Навои» (1948). В четвёртой главе данного труда автор обращается к анализу и интерпретации ряда ключевых этических категорий и понятий, среди которых — застенчивость, учтивость, вежливость, благородство, усердие, намерение, справедливость, прощение, сочувствие, милосердие, великодушие, благочестие, верность завету, смелость и другие.

Отмечено арабское происхождение термина «муаммо» («скрытый», «неясный», «сумбурный»). В рамках науки *бадеъ* муаммо классифицируется как один из «духовных» (интеллектуальных) приёмов. Данный жанр характеризуется тем, что автор в бейте или стихе кодирует специфическую номинацию или иное понятие, используя систему условных знаков, символов и т.п. Дешифровка такого послания требует определённых навыков и доступна не каждому. В качестве иллюстрации (общего характера сложного смысла или завуалированности) иногда приводятся примеры, как, например, следующее рубай Омара Хаяма:

Асрори азалро на ту дониву на ман,
В-ин ҳарфи муаммо на ту хониву на ман.
Ҳаст аз паси парда гуфтугӯи ману ту,
Чун парда барафтад, на ту мониву на ман⁷⁹.

Извечных тайн ни ты, ни я не знаем,
И этих слов-загадок ни ты, ни я не прочтём.
Ведь за завесой нашей беседы звучат голоса,
А когда спадёт покров, ни ты, ни я не останемся.

Раздел 2.3. «Процесс сложения муаммо в персидско-таджикской поэзии до XVв.» рассматривает процесс сложения жанра муаммо в персидско-таджикской поэзии до XV века, подчеркивая его эволюцию от ранних форм загадок к самостоятельному литературному жанру.

Муаммо классифицируется как форма художественной словесности, фиксируемая с XIII века, с пиком развития в XV веке в центрах вроде Герата. Проблема муаммо как поэтического жанра имеет давнюю историю изучения,

⁷⁹ Шеърдуст А. Поэтика новых таджикских времен. /А.Шеърдуст: Адиб, 1997. – С. 34

отраженную в специализированных трактатах, таких как «Муаммо» Шарафуддина Али Язди и работы Абдурахмана Джами и Алишера Навои. Расцвет жанра муаммо в персидско-таджикской поэзии приходится на XV век, особенно в литературных центрах, подобных Герату.

Абдурахман Джами определяет муаммо как «слово, которое должно быть истолковано, его индикация основана на определенном количестве букв в определенном порядке, индикация в виде символов и знаков»⁸⁰.

Рашид ад-Дин Ватвот отмечает: «Это искусство должно быть таково, чтобы поэт мог скрыть в стихах имя возлюбленной или имя чего-либо другого, но метафорически, но образно, но по-другому»⁸¹.

Туракул Зехни описывает его как «форму искусства, в которой поэт скрывает конкретное имя или предмет, используя метафору, метафорический расчёт, намек или скрытые указания»⁸².

Примеры включают муаммо на Кайхусрава: «*Мумсик ар рост бувад, халк надорандаш дўст...*»⁸³, где инверсия «варсакхи» дает «кихасрав»; на Латифа: «*Дардо, ки баъори айш дай хоњад шуд...*»⁸⁴, с трансформацией «зулф» в «лф» и вставкой «т» для «Латиф»; на Карима: «*Дидам ду ъафта мањ зи дебо бар ў салаб...*»⁸⁵, где инверсия дает «Мирак». Ранний образец у Рудаки: «*Он чист бар табак ҳаметобад...*»⁸⁶, иллюстрирующий загадку о «белой вороне».

Таджикские учёные Абдунаби Сатторзода и Атаулла Махмуд Хусейни, отмечая роль муаммо в развитии интеллекта и отражении мировоззрения эпохи, классифицируют муаммо на категории (образование, совершенствование, содействие).

Жанр эволюционировал от лугаз, способствуя формированию поэтических форм и популярности в суфийской среде.

Глава III. «Лугаз и муаммо в литературе XV в.». Раздел 3.1. «Место лугаза и муаммо в литературе XV века» посвящёна эволюции жанров лугаза (загадки) и муаммо (шарады) в персидско-таджикской литературе XV века. Автор диссертации отмечает особенность лугаза, в качестве приёма описания предмета через заметные признаки без прямого названия, о которых читатель должен догадаться сам, к примеру: «*Он ночью ходит за тобой, но не произносит ни слова. Стоит тебе повернуться — и он исчезает*» (тень).

⁸⁰ Рашидаддин Ватвот. Сади волшебства (Хадоикуссеҳ фи дақоикушшехр) – М.: Наука, 1985. – С. 150

⁸¹ Ризокулихон Хидоят. Комплекс фуса 5 т. - Тегеран, 1339. С. 149.

⁸² Зехни Т. Санъати сухан. /Т.Зехни. - Душанбе: Ирфон, 1978. – С. 112.

⁸³ Рашидаддин Ватвот, 1985, С. 128.

⁸⁴ Там же, С. 150.

⁸⁵ Ризокулихон Хидоят, 1339, С.149.

⁸⁶ Зехни Т., 1978, С. 118.

Радуяни в «Тарджуман аль-Балага», подчёркивая тонкую игру слов, отмечает: *«Другое искусство — это говорение, и это испытание вкуса и испытание ума»*.

Шамси Кайс Рази в «Аль-Муджаме» уточняет: *«Это искусство должно быть подобно печатному тексту... и должны быть приятными и приятными для ума»*.

Жанр лугаз возник в устной традиции, стал популярен у поэтов X–XII вв. (Рудаки, Чагани, Унсури, Фаррухи, Манучехри), а в XV в. — у Зайнiddина Махмуда Васифи, писавшего в форме газелей.

Васифи создавал лугазы на бытовые предметы, посвящая их Султанмухаммаду: пример на лук: *«Чи чиз аст он ки чун абрўкамонон фитнагар бошад... Камони чарх то аз каҳкашон бошад ба зех ёрат»*⁸⁷ (лук метафорически связан с мощью султана Мухаммеда, символизируя военную силу и власть);

На свечу: *«Чист он сарве, ки симинпайкар аст у гульузор... Шамъи бозморони шоҳони Сикандариқтидор»*⁸⁸ (свеча — аллегория света, побеждающего тьму, с отсылками к хадису о мотыльке, подчёркивающая роль султана как светоча).

На палец: *«Эй дил, кадом гавҳарест дар ҷаҳон... Ҷун Восифӣ нишони ту ёбад ба сони меҳр»*⁸⁹ (палец — символ щедрости Хатама, метафора власти и любви, с гимническим посвящением).

На персик: *«Шудам ба бог барои назораи чаманаи... Ки ҳаст ҳаставу бошад ҳамеша сурх танаи»*⁹⁰ (косточка персика — младенец в утробе, раскрывающий красный цвет и игольчатые шипы, с поэтическими сравнениями Юсуфа и Зулейхи).

Васифи использовал метафоры из обихода (*свеча, лук, меч, кольцо*) и игр (*нарды, шахматы, карандаш*), делая лугазы гимническими и объёмными (190 лугазов на 12 тем: нарды, шахматы, человеческая скульптура, монета, персик, перо, солнце, меч, лук, свеча, палец и т. д.).

Лугазы Васифи отражают жизненные реалии, построены на образных изображениях в форме газелей, с акцентом на тонкость, изящество и подробное описание характеристик предметов через метафоры, сравнения и отождествления.

Муаммо как жанр занимает значимое место в творчестве Абдурахмана Джами, Шарафуддина Али Язди и Мира Алишер Навои, выражая глубокие

⁸⁷ Зайнiddин Махмуд Восифи. Бадоев-ул-вакоев. /В.М.Зайнiddин Москва.Наука. 1961.228с. – с. 180-181.

⁸⁸ Там же, С.179-180.

⁸⁹ Там же, С. 185-186.

⁹⁰ Там же, С. 186- 187.

идею, философию и эмоции, часто в циклах стихов, вызывая интеллектуальную игру ассоциаций.

Жанр муаммо привлек внимание литературоведов, посвятивших этой теме объёмные трактаты о структуре, семантике и «двуступенчатой» природе муаммо (сокрытие и приоткрытие смысла), подчёркивая их роль в персидско-таджикской традиции XV века.

В разделе 3.2. «Теоретическое исследование жанра муаммо в XV веке» анализируется эволюция жанра муаммо (шарады) в персидско-таджикской литературе XV века, сочетающего в себе философские размышления, языковую игру и культурно-исторические аллюзии. Подчёркивается значимая роль жанра муаммо в литературных школах Герата, Самарканда, Тебриза и Бухары. В этих культурных центрах такие выдающиеся поэты, как Абдурахман Джами, Шарафуддин Али Язди и Алишер Навои, создавали произведения в форме интеллектуальной загадки, сочетающей в себе метафизическое содержание с эстетической тонкостью. Гератская школа, возглавляемая Джами, обобщила традиции предшествующих столетий, что способствовало расцвету данного жанра.

Анализ теоретического исследования жанра муаммо в XV веке опирается на рукописные фонды Центра каллиграфического наследия Национальной академии наук Республики Таджикистан, где хранятся манускрипты Джами, Язди и Навои. Применен комплексный подход: лингвистический, палеографический и стилеведческий анализ, выявляющий особенности орфографии, каллиграфии и реминисценций узбеко-персидской традиции XV–XVI вв.

В трактате Джами «Муаммо мутавассит» муаммо классифицируется по степени сложности, с критическим разбором, как в головоломке «Хусров», где используется аналогия.

Навои в «Муфрадат» фокусируется на семантике, изолируя правила применения, в то время как Язди сочетает шариатские элементы с мифологическими аллюзиями.

Приведены примеры муаммо из творчества поэтов. Так, Джами в «Хулат-ат-тауик» раскрывает темы вечности через аллегории любви, требующие ассоциативного прочтения.

Язди в кратких стихах интегрирует философские трактаты, а Навои в «Хамсе» и «Лайли-лайлатулма’арифат» связывает муаммо с придворной этикой. Из более ранних традиций цитируется загадка X века, приписываемая Али: *«Тири ў камони нақши нишона, / Бингару бипайванд сафор яке тир / Номи бути ман бозинносі ба тамоме / Он бат, ки ба*

*хубии қарин нест, ба Каимир*⁹¹, где стрела метафорически описывает красоту.

Камол Худжанди (XIV в.) представлен как предшественник, чьи лаконичные муаммо (по 17 строк каждая) иллюстрируют каллиграфическую традицию и абджад. Пример на имя «Хуррам»: «*Гӯям ба ту номи он шаккарлаб, / Ширинтар аз ин чӣ кор бошад. / Хурмо бигузину бифкан аз вай / Чизе, ки миёни хор бошад*»⁹², где финик символизирует сладость.

Другой: «*Номи ў нонавишта бархондам, / Чун ниҳодам сари қалам бар ном*»⁹³ на имя «Касим», требующий манипуляции буквами («исм» + «каф»).

Высказывание Худжанди: «*З-ин роъннападид муаммо ки бубарад, / Он ки сароби ишқро хурд ё чашид*»⁹⁴ подчеркивает, что разгадка доступна лишь, испытавшим любовь.

Раздел демонстрирует, как муаммо служило маркером поэтического мастерства, эволюционируя от простых загадок к сложным аллегориям, и подчеркивает вклад таджикских рукописей в сохранение традиции, заполняя пробелы в изучении жанра.

В подразделе 3.3.1. «Особенности интерпретации муаммо и лугаз в трудах Али Язди» анализируется трактат Шарафуддина Али Язди «Хулали мутарраз дар фанни муаммо ва лугаз», написанное в честь победы над туркмен-карайусуфами в Азербайджане. В нём Язди классифицирует муаммо на *простые и сложные формы*, опираясь на логику загадок, структурную организацию и притчи, что отражено в делении на пять «хул» (предисловие, введение, пять глав и заключение), освещавших письмо, фонетику, терминологию и правила жанра.

Аналогичный подход прослеживается в «Муаммо мутавассит» Джами, демонстрируя методологические противоречия в классификации. Трактат включает 928 стихотворных примеров (485 из «Маснави», 274 кита, 164 рубаи и 4 лугаза), преимущественно авторские, с цитатами других поэтов для иллюстрации. Пример: стих в форме маснави на муаммо о письме, требующий фонетического анализа [647/II, Восточный рукописный фонд Национальной академии наук Таджикистана]. Анализ рукописей (фонды Узбекистана, библиотеки Сулеймании, Стамбул; коллекции Казизода № 831, Асада Эфенди № 1760) подчеркивает полную копию № 647/II как основу критического издания.

⁹¹ Камол Худжанди. Диван: в 2-х томах. /Худжанди камол. –Душанбе: Маориф. - 1987г.- С. 535.

⁹² Там же, С. 538.

⁹³ Там же, С 536.

⁹⁴ Там же, С. 537.

В разделе 3.3.2 «Особенности трактатов Абдурахмана Джами, посвящённые муаммо» анализируются трактаты выдающегося поэта и мыслителя Нуриддина Абдурахмана Джами (1414–1492), посвящённые жанру муаммо. Джами, получивший образование в медресе Герата и освоивший науки от логики до музыки, создал трактаты: «Рисолай кабир дар муаммо», «Рисолай сагир дар муаммо», «Рисолай мутавассит дар муаммо» и «Рисолай асгари манзума дар муаммо», хранящиеся в рукописях Национальной академии наук Таджикистана (номера 647/II, 647/III, 647/IV, 1608, 1010/III, 3156/VI, 1970/IV). Эти работы классифицируют муаммо на *дидактические (таълими)*, *перфективные (такмилы)* и *фасилитативные (тасхили)*, с приёмами: *интиқод* (*критика букв*), *таҳлил* (*анализ*), *таркиб* (*сочинение*) и *табдил* (*преобразование*).

Трактаты иллюстрируют правила на 229–324 муаммо, включая стихи для великих людей, и подчёркивают роль муаммо в просвещении и поклонении, стимулируя дальнейшие исследования межтекстовых связей, например, муаммо на имя Шамса: «Гар даст дињад ба поят афкандани сар, / Бошам сари сарварони хуршидафсар» [647/II, «Муаммо асгар»], другой пример: «Эй исми ту ганъи ъар тилисме, / Конеъ зи ту ъар касе ба исме» [647/III], подчёркивающее сакральный аспект жанра.

В подразделе 3.3.3. «Трактат «Муфрадат» Алишери Навои» анализируется трактат «Муфрадат» Алишера Навои (1441–1501), выдающегося поэта, мыслителя и гуманиста, чьё наследие включает диваны («Хазайн-ул-маъани»), цикл «Хамса», тазкире «Маджалис-ун-нафаис» и персидский диван под псевдонимом Фани⁹⁵. Получивший образование в Герате и Самарканде под влиянием Джами, Навои служил при дворе Абу-л-Касима Бабура и как отмечает историк Хандамир в «Макарим-ул-Ахлак»⁹⁶, занимался благотворительностью, строил медресе.

Трактат «Муфрадат» лаконично разъясняет правила решения муаммо, фокусируясь на ясности без излишних приёмов. Навои создал первые муаммо на тюркском языке, включая 245 лугаз в «Персидском диване» и муаммо на имена Довуд («Пеши ту агар аён шавад меҳнати мо...»)⁹⁷, Анис («Дар боз чу булбул сифати қади ту гуфт...»)⁹⁸, Бобур («Аъдо, ки тариқи ростӣ кам бибаанд...»)⁹⁹, на верблюда («Он чист, ки хокро ба каф мола кашад...»)¹⁰⁰.

⁹⁵ Мухаммед Король. Культура Анандраджа. - Тегеран. – с. 60.

⁹⁶ Низоми Арузи Самарканди. Четыре статьи. /Самарканди Арузи Низоми - Тегеран: Великий эмир, 1344. – С. 90

⁹⁷ Низоми Арузи Самарканди. Четыре статьи. /Самарканди Арузи Низоми - Тегеран: Великий эмир, 1344. – С. 134.

⁹⁸ Там же.

⁹⁹ Там же.

¹⁰⁰ Там же, С. 415.

Высказывание Хандамира: «*Сей труд, что завершён твоим усердием, / Полюбили и избранные, и простой люд*»¹⁰¹ подчёркивает вклад Алишера Навои в развитие жанра.

Исследование этапов развития жанров лугаз и муаммо в персидско-таджикской литературе X–XV вв. *открывает широкие перспективы для дальнейшего изучения*, включая сравнительный анализ с аналогичными формами в других восточных и мировых литературах, что позволит выявить универсальные механизмы загадочной поэзии и её культурные взаимовлияния.

В *Заключении* подводятся итоги диссертационной работы, намечаются перспективы дальнейшего исследования.

Основные положения диссертации изложены в следующих публикациях:

1. Махмадуллоева Н. История возникновения искусства лугз / Н. Махмадуллоева // Вестник Национального университета Таджикистана (Паёми Донишгоҳи миллии Тоҷикистон). – 2016. – № 4–5. – С. 182–185.
2. Махмадуллоева Н. Лугз в поэзии X века и первой половины XI века / Н. Махмадуллоева // Вестник Национального университета Таджикистана (Паёми Донишгоҳи миллии Тоҷикистон). – 2017. – № 4–5. – С. 227–230.
3. Махмадуллоева Н. Роль муаммо в литературе XV века / Н. Махмадуллоева // Вестник Национального университета Таджикистана (Паёми Донишгоҳи миллии Тоҷикистон). – 2021. – № 7. – С. 213–220.
4. Махмадуллоева Н. Муаммо и лугз (тождество и различие) / Н. Махмадуллоева // Вестник Национального университета Таджикистана (Паёми Донишгоҳи миллии Тоҷикистон). – 2022. – № 5. – С. 244–250.

---

¹⁰¹ Там же, С. 91.